

Юрий М. Казаков

Тысяча улицток

на одном велосипеде

Юрий Л. Казаков

**Тысяча улиток на одном
велосипеде. Сборник рассказов**

«Автор»

2020

Юрий Л. Казаков

Тысяча улиток на одном велосипеде. Сборник рассказов / Юрий Л. Казаков — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99389-1

Однажды в лавку к Мастеру зашёл посетитель. Человек с виду обычный, приветливый. Но свет в настенном торшере неожиданно стал мерцать и постепенно гаснуть. Затем выключилась настольная лампа. И гирлянда на уличной вывеске тоже потускнела. Я принёс из подсобки светильник, но и он не помог. Лавка погружалась в темноту. И тогда Мастер достал коробку с пластилином...«Тысяча улиток на одном велосипеде» — сборник рассказов о моей дружбе с Мастером, о его лавке, о том, как он учил меня печатать на принтере пирожное. Рассказывал, как победить одиночество на музыкальных лыжах. Как усадить тысячу улиток на один велосипед, чтобы стало светло не только снаружи, но и внутри.

ISBN 978-5-532-99389-1

© Юрий Л. Казаков, 2020

© Автор, 2020

Содержание

Эскизы из волшебной мастерской	5
Тысяча улиток на одном велосипеде	5
Плотник, мост и тарелка с оладьями	9
Яблоко, белка и мысли	11
Экран и вишнёвый пирог	13
Интервью на заснеженной дороге	16
Список подарков для 3-d принтера	19
Лимонник Джанджи	21
Большой лист для впечатлений	23
Фруктовое небо с овощами и пурпурный горизонт	24
Масло, радость и очки	27
Идейная шляпа и быстрые башмаки	30
Улыбающиеся гирлянды и подмигивающие шары	32
Пуховый матрас для серфинжиста	35
Деревья и немного философии	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Л. Казаков

Тысяча улиток на одном велосипеде. Сборник рассказов

Эскизы из волшебной мастерской

Тысяча улиток на одном велосипеде

Мастер прыскал мыльную воду на стеклянный прилавок и плавными движениями снимал пятна с поверхности. Вдруг резко потемнело. Внезапно. Под звон дверного колокольчика. Свет вмиг потускнел, и лавка погрузилась в расплывшиеся полутона. Я подумал, что налетела грозовая туча. Та самая, которая неожиданно появляется из ниоткуда, наводит панику, а потом также неожиданно исчезает. Но нет. Небо за окном по-прежнему оставалось безоблачным.

На пороге стоял человек. Тёмный. Темнее, чем его собственная тень. Свет от лампы над входной дверью мерцал и постепенно гас.

– Достань из кладовой ещё лампы, – обратился ко мне Мастер. – Сколько найдешь, все неси сюда!

Человек снял шляпу и нацепил её на свободный крючок вешалки, а я нырнул под занавеску и ринулся к кладовой. Когда весь прилавок заполонили включённые лампы, нам наконец удалось разглядеть незнакомца. Усталый, понурый вид, серое лицо, под глазами тёмные мешки. А впалые щёки, заросшие жалкой щетиной, старили его лет на десять.

– Не знаю, почему я к вам зашёл... шёл на работу, но почему-то свернул на другую улицу... а потом сюда.

– Стакан воды? – предложил Мастер.

– Благодарю. Не нужно. – Он увидел рядом высокий стул для посетителей и, не раздумывая, опустился на него.

– Чем вы тут торгуете? Думаю, мне всегда было интересно это узнать. Много раз проезжал мимо. Но ни разу не заходил. Смотрел на вашу лавку. И думал, что вывеска у вас не бросающаяся, яркая. Скучная вывеска. Так чем вы здесь занимаетесь? Антиквариатом?

– Чудесами.

– Магазин фокусов что ли?

– Пусть будет магазин фокусов, – улыбнулся Мастер.

– Разве это сейчас прибыльно? Кому нужны фокусы? Разве только детям. Но у них теперь смартфоны, игры. Не оторвать. Их другое интересует.

– А вас что интересует?

– Меня?

– Да, вас, – кивнул Мастер.

– Пожалуй, ничего особенного. Так, ради любопытства зашёл. Вывеска у вас скучная. Вам бы её поменять. Глядишь, и покупателей бы прибавилось. И темновато здесь. Нужно больше света. Яркости. Дети это любят. Гирлянды всякие, фонарики.

– Вообще-то мы включили все лампы, которые у нас есть, – встрял я. – Между прочим, это всё из-за вас. Вы нам свет гасите.

– Тише, мой друг. Не нужно, – спокойным голосом сказал Мастер. – Нашему гостю просто не понравилась вывеска. Не стоит винить человека за его видение мира. Он вправе иметь собственное мнение.

– Вы не обижайтесь, – махнул незнакомец. – Вывеска хорошая. Только не яркая.

– А вам нравится яркое?

– Да. А кому не нравится? Жаль только, что вокруг яркого не так много. В основном, всё серое и однообразное. А чему удивляться, если даже у магазина с фокусами нет яркой вывески.

– Мастер, а я думал, у нас там бегущий текст с мигающими фонариками. Или вы его отключили? – прошептал я.

– Нет, – покачал он головой. – Не отключал.

– Ладно. Так и быть. Пара минут у меня имеется. Покажите что-нибудь. Фокус какой-нибудь. Заинтересуйте меня.

– Хорошо, – улыбнулся Мастер и достал из-под прилавка толстую книгу с красочными иллюстрациями. – Вот. Листайте.

– Что это? Красная книга? Нужно открыть на какой-то определенной странице?

– Нет, просто листайте.

– Не понятно. Но... как скажите.

Он переворачивал страницы. Слоны, жирафы, волки, олени, львы, носороги. Равнодушно листал одну иллюстрацию за другой. Открыл раздел с птицами, потом с насекомыми. И вдруг замер. Лицо его напряглось.

– Улитка, – Мастер взглянул на страницу. – Это вы?

– Что? – спросил незнакомец.

– Это вы – улитка?

– Я?

– Думаю, да. Вы – улитка, – заявил Мастер. – Медленная, неповоротливая, прячущаяся улитка. Очень похожа на вас. Даже внешне.

– Ну, нет, – усмехнулся человек. – Она слишком маленькая, чтобы быть мной.

– Разве?

– Я больше. Я гораздо больше. Я как тысяча таких улиток.

– Понятно, – Мастер закрыл книгу. – Значит, вы в тысячу раз медленнее.

– Не совсем понял вашу мысль. Поясните?

– У одной улитки один путь. А у тысячи – тысяча. И все они в разные стороны ползут. Тянут. Вниз. Вверх. В тысячи самых разных направлений. А в центре вы.

Сопротивляетесь. Пытаетесь управлять. Всеми сразу управлять. Тратите силы, чтобы они не расползлись и не разорвали вас. А сил не хватает. И вы берёте их извне. И гасите свет вокруг, в надежде найти его внутри.

– Если вы утверждаете, что я устал, – незнакомец опустил голову. – То да, я действительно устал.

– Вас почти разорвало. – Мастер достал коробку с пластилином. – Вот! Держите! Будем вас собирать.

– Собирать? – голос его поплыл.

– Вы – тысяча улиток. Лепите их. Лепите свою тысячу улиток.

– Зачем?

– А что вам остаётся? Оглянитесь! Все лампы в лавке почти погасли.

– Пускай. Впрочем... как скажите. Больших лепить или маленьких?

– Лепите таких, какие получаются.

– А цвет какой?

– Берите любой. Вы ведь – разноцветная тысяча улиток. Тем более, вам нравится всё яркое.

– Это точно, – улыбнулся незнакомец.

– А когда у вас был светлый день?

– Светлый? Хм... был когда-то... и не один.

– Вспомните его. Вспомните светлый день. Когда вы были светлым. И лепите своих улиток.

– Стакан воды был бы сейчас очень кстати, – усмехнулся незнакомец.

Он мял пластилин, что-то бубнил, иногда улыбался, а взгляд его погружался всё глубже и глубже туда, где когда-то было светло.

– Хватит. Остановитесь.

– Но здесь нет тысячи.

– Не важно. Соберите их, – сказал Мастер.

– Как это?

– Соберите из них одну большую улитку. Слепите из всех одну.

– Но ведь они... они тогда исчезнут?

– И что с того?

– Но? – он задумался. – Ладно. Как скажете.

Он мял их сначала аккуратно, медленно. Но потом разошёлся и уже не жалел сил, чтобы расплющить один кусок пластилина о другой.

– Получилась? – спросил Мастер. – Большая?

– Большая. Но чего-то не хватает.

– А что бы вы добавили?

– Большая, но медленная... Я бы добавил ей скорости.

– Вы любите скорость?

– Не то, что бы... в детстве на велосипеде любил... а сейчас не особо.

– Лепите велосипед.

– Из улитки?

– Нет. Отдельно. Посадим вашу улитку на велосипед.

– Ха! – воскликнул незнакомец. – А это идея! Забавно должно получиться!

Он слепил велосипед и поместил сверху на сиденье свою большую улитку.

– Ну как? – поинтересовался Мастер.

– Весело тут у вас, – широко улыбнулся незнакомец. – Очень весело. И уютно. Хорошая у вас лавка.

– Благодарю.

– Я, пожалуй, ещё как-нибудь к вам зайду. Можно я возьму это с собой?

– Конечно. Это же ваша улитка и ваш велосипед.

– Сколько я вам должен?

– Принесите в следующий раз коробку пластилина, и мы в расчёте.

– Договорились! И хорошо, что вы дополнительные лампы включили. Светлее стало. Намного. Даже чересчур светло. О! И вывеску успели починить? Теперь гораздо лучше! Молодцы! Очень ярко!

Помню абсолютную беспомощность. Никогда ещё я не чувствовал себя таким маленьким. Хотелось где-то взять сил, обрести опору. Но с каждым шагом становилось только хуже. Я ходил по квартире туда-обратно. Думаю, за день на прогулке я столько не ходил, как тогда по коридору квартиры. Километров тридцать. Не меньше.

Вы когда-нибудь ходили безостановочно по коридору квартиры весь день? Два? Неделю? Это только кажется долгим и изнурительным. Но когда ты в поисках сил, любые расстояния исчезают. Как и время. Как, собственно, и остаток сил.

Хотелось с кем-нибудь поговорить... и я говорил, но тщетно... Им бы себе сил где-нибудь взять.

И всё вокруг казалось несправедливым. Абсолютно всё! От взглядов до заголовков статей, которые я искал.

Я взял щетку. И тёр. Тёр пол. Бесконечно. Долго.

Я выходил под дождь и шёл. Просто шёл. Бесконечно. Долго.

Я уходил далеко, чтобы кричать. Орать. Громко. Долго.

Я смотрел на себя в зеркало и видел одну лишь злобу. Ядовитую, пугающую ненависть.

И я себя не узнавал. Это не я! Но это я!

А потом...

А потом, когда стало совсем всё непонятно, мне вдруг позвонили. В любой другой ситуации я бы стал придумывать отговорки. Но не в этот раз.

И я пошёл. Пошёл лепить из пластилина. Да. Из обычного цветного пластилина. Лепить всё, что не мог прошагать по коридору. Всё, что не мог растереть щёткой. Всё, что не мог ненавистно проорать.

И когда однажды меня спросили о светлом дне, любом светлом дне, я вспомнил много. И этот в том числе! День, когда я собрал в себе свет из разноцветного пластилина.

Плотник, мост и тарелка с оладьями

Мастер стоял над обрывом, а внизу куски разваливающегося льда мчались в серебряном потоке быстрой реки. Он поднял ладонь и прищурился.

– Большая вода в этом году. Метра на четыре выше.

– Мастер, – сказал я и шагнул к нему, – причём тут вода? Вы же обещали показать магию. Долго ещё?

– А? – он обернулся. – Да-да, мой друг. Я всё помню.

– И где же?

– Туда посмотри, – Мастер вытянул руку и указал на противоположный берег.

По строящемуся деревянному мосту шёл человек и нёс на плече длинные сосновые доски. Двигался он осторожно, стараясь не делать резких шагов, но доски всё равно пружинили, качаясь вверх-вниз. Чуть дальше на берегу на старых бревнах прежнего моста, разрушенного ледоходом, сидели плотники. Один из них что-то бурно рассказывал, размахивая руками в стороны. Остальные громко смеялись.

– Мастер, я, конечно, всё понимаю: один работает, другие отдыхают. Видел такое сотни раз. Где же тут магия? – Но он мне не ответил, лишь ухмыльнулся и пошёл по тропинке к роще. – Вы куда? А как же магия? Вы не ответили, Мастер?!

Я бежал за ним. Всё говорил и говорил. Тараторил, возмущался, негодовал. Вдруг он остановился возле широкого ствола сосны и опустился на колено.

– Вы в порядке? Мастер?

– Иди сюда. Хорошая моя. Не бойся. Иди сюда.

– Чего? – Я округлил глаза, но сразу увидел пышный хвост под ветками. – А, это вы не мне! – Хвост пошевелился, завилял, а из-за ствола показалась лисья морда. – Ого! Это же лиса!

– Это собака, мой друг, – улыбнулся Мастер.

– А морда, как у лисы!

– Да... пожалуй, есть сходство. Ой! Ну-ка... подойди ближе.

– Что случилось? – я шагнул к нему.

– Что-то с ней не так. Взгляд уставший. А... понятно.

– Что понятно?

– Подержи ей морду, – сказал Мастер. – Токсины. Раз, два, три... Сейчас ещё поищем. Вижу пять.

– Пять чего?

– Клещей, конечно же.

– Ёшкин катакомбус! – вскричал я и отпрянул в сторону.

– Не выражайся! – засмеялся Мастер. – Лучше подержи. Сейчас снимем, и ей легче станет.

– Фу, какая гадость... я вам про магию, а вы... фу.

Я сморщился и снова обхватил собаку, но на этот раз отвернулся. Мастер что-то бормотал, крутил пальцами и считал. А я всё ждал, когда клещи закончатся.

– Всё. Готово.

– Что тут делаете то? – вдруг раздался чей-то голос.

Я обернулся и увидел на дороге старушку: маленькую, в бордовом платке и в брезентовой куртке на три или четыре размера больше хозяйки. В руках она держала тарелку.

– Клещей вытаскиваем, бабуся, – гордо заявил я.

– Ох, ты ж, господи! Клещей?! Ишь ты какво!

– Ваша собака? – я встал и увидел на тарелке оладьи.

– Чего моя то? Не моя она. Ничейная она. Сама по себе.

– А кормите зачем?

– Так это... осталось с обеда. Пусть тоже поест. Холодно ведь нынче. Пока лёд не уйдет, не потеплеет.

– Если кормите, так взяли бы себе, – предложил я.

– Не! Не! – замахала та руками. – Мне не надобно. Мне своих хлопот полон двор. Куда мне?

– Жаль.

– Да не жалея ты. Заберут её. Нашёлся один добряк в соседнем поселке. Который через реку.

– А почему не забрал? Уже всю клещи покусали.

– Так ледоходом мост поломало. А как достроят, так придет за ней, – ухмыльнулась старушка. – Он плотником работает. У них там бригада толковая. Быстро построят.

Я задумался, а потом взглянул на Мастера. Он нежно гладил собаку, улыбался, а потом сказал:

– Магия, мой друг. Прямиком из центра мироздания.

– И впрямь магия! – старушка прижала тарелку к груди и обомлела. – Ишь какой быстрый!

Я повернулся к реке и увидел, как с моста на наш берег устало сошёл счастливый человек.

Яблоко, белка и мысли

Лёшка шёл вдоль края лыжной трассы и осматривался. Повсюду были разбросаны поломанные ветки, пожелтевшая хвоя, мох и старые шишки. А впереди дорогу перегородило упавшее после ночного урагана дерево. Рядом стояли два работника лыжного стадиона и наблюдали, как третий распиливает ствол бензопилой.

Виталия Витальевича он заметил чуть дальше, там, где сходятся прогулочный маршрут и просека высоковольтки. Тот сидел высоко на пятиметровой берёзе и болтал свисающими ногами. Лёшка остановился рядом с деревом и поднял голову:

– Виталь Виталич, хочу кое-что спросить.

– А ты принёс яблоко и нож?

– Да, вот. – Лёшка высунул их из кармана.

– Тогда залезай.

– Эээ, ладно. – Лёшка покряхтел, пробурчал, но всё-таки вскарабкался по веткам и уселся рядом с Виталием Витальевичем. – Хочу спросить...

– Подожди. Сначала яблоко. Почисти от кожуры, а кожуру вниз.

– Ладно. – Лёшка взял яблоко и ножом стал аккуратно снимать красную кожуру. – Скажите мне, Виталь Виталич. Где найти музу или идею для творчества? Хочу что-нибудь создать, а идей нет. И мыслей нет. И, вроде, хочу, но понимаю, что это не я вовсе. А, вроде, и я. Но только подумаю о чём-то одном, сразу думаю о чём-то другом. И фантазия останавливается. Словно тупик. Так много всего можно придумать, а придумать нечего. Получается, как бы оно всё есть, но, вроде, и нет. Понимаете?

– Конечно. Проще простого.

– Да? – Лёшка удивился. – И вам не кажутся бредом мои слова?

– Совсем нет. Видишь ли, Алексей... Хотя... Дай-ка мне. – Он взял у него яблоко и нож, часть кожуры кинул вниз, и пушистая белка мигом прошмыгнула через сугроб.

– Вот, надень. – Виталий Витальевич протянул ему пенсне в серебряной оправе. – Взгляни. Видишь?

– Что это? Это молнии? Шаровые молнии? – Лёшка начал оглядываться, открыл рот от удивления, обнаружив вокруг десятки летающих шаров, светящихся разными цветами.

– Это не молнии. Это мысли. Твои, мои, других людей. Они повсюду. Видишь яркие? А теперь туда посмотри, там тёмные. Видишь? – Изумлённый Лёшка молча кивал. – А теперь посмотри на себя. Видишь? Ты весь покрыт мыслями.

– И правда! А чего их так много? Вся моя одежда в них. И куртка, и джинсы. Даже майки. Офигеть! – воскликнул Лёшка.

– Много мыслей с собой таскаешь. Причём большая часть – это даже не твои мысли. Кто-то тебе их сунул, а ты в копилочку. Таскаешь и таскаешь. А ведь каждая мысль подпитываться должна!

– Подпитываться? – недоумённо переспросил Лёшка.

– Да. Ведь неспроста они светятся. Они ж питаются. Энергией питаются. Села на тебя мысль, и ты её питаешь. Причём, если мысль светлая, то она тебе сил может вернуть. Ну, а если тёмная, то тут, сам понимаешь...

– Понимаю, но не совсем.

– Много таскаешь мыслей, много отдаёшь энергии. И на что-то новое, творческое... на музу или идею, как ты говоришь, сил просто не остаётся.

– Ага! То есть мне нужно убрать ненужное?

– Да.

– И как это сделать?

– Сконцентрируйся на какой-нибудь одной. Или на нескольких. И думай над ними, обдумывай, передумывай, меняй их, дополняй или сокращай. Так ты перенаправишь энергию, и остальные мысли сами отстанут. И ещё! Очень эффективно, если вместе с концентрацией ты будешь добавлять движение. Усиль подпитку движением.

– Это как?

– Пойди куда-нибудь, побег, поплыви. И концентрируйся. Подожди! – Виталий Витальевич посмотрел вниз на трассу, по которой катился лыжник. – Юрий помчался. Видишь, как отлетают от него ненужные мысли?

– Ага. Точно. А это вы его так научили мысли чистить?

– Нет. Он как-то сам к этому пришёл. О, смотри! Видишь? Он резко усилил бег, легко и вдохновенно! Видимо, он поймал какую-то новую идею!

– Какую?

– Наверно, придумал рассказ, как мы с тобой тут сидим на дереве и кормим белку кожурой от яблока.

– Правда? Он сейчас эту мысль поймал? – удивился Лёшка.

– Шучу я, – засмеялся Виталий Витальевич. – Откуда мне знать, что там Юрий придумал. Так, возвращай мне пенсне и ответь, есть ли у тебя ещё яблоко?

Экран и вишнёвый пирог

Когда я остановился возле бокового входа в ТЦ, раздался голос Мастера:

– Принёс?

– Вот, – я протянул ему моток верёвки. – А зачем вам такая длинная? И почему ночью? Вы на часы смотрели?

Он вынул из своего рюкзака самодельную абордажную кошку и стал привязывать к ней верёвку. Затем он дёрнул её, потом сильнее:

– На часы, говоришь? Нет, пока не смотрел. Но обязательно посмотрю. Вместе посмотрим. Обязательно. – Он отошёл назад на пару шагов и поднял голову. – Так... главное, не разбить экран.

Я тоже поднял голову и посмотрел на огромный экран, занимающий два этажа ТЦ. На светящемся уличном табло в полстены крутилась реклама одежды, летали надписи, цифры, люди улыбались. Потом включилась другая картинка.

– Что вы собираетесь делать?

– Хочу туда забраться, – сказал Мастер и начал раскачивать кошку. – Тут главное, рассчитать правильную скорость вращения, нужный угол и силу броска. Главное, не ошибиться в формуле. – Он принялся усерднее раскручивать верёвку, и я услышал, как она начала резать воздух.

– Подождите! – воскликнул я. – А как же формула? Что вы делаете?

– Нет времени на формулу! Иногда нужно просто воспользоваться методом Н.П.

– Что ещё за Н.П.?

– Ну-у Пожалуйста-а! – прокричал Мастер и отпустил верёвку с абордажной кошкой.

Она устремилась вверх, пролетела мимо экрана и исчезла в ночи. А потом мы услышали глухой удар по крыше. Мастер потянул верёвку вниз, и когда металлический крюк впился во что-то крепкое, ухмыльнулся и подмигнул мне.

– Подержи, – он сунул мне второй конец верёвки, надел перчатки и полез наверх. – Хорошо держи, не хочу, чтобы меня раскачало.

– Зачем всё это? – Я огляделся по сторонам, прислушался, но улица была пуста, город спал. – Мастер, только давайте быстрее. Не знаю, что вы задумали, но прошу вас, давайте быстрее.

– Да-да, друг мой, да-да. – Он там что-то крутил, колотил, а потом скатился вниз. – Готово.

Я посмотрел на экран. Он был тёмный, а в центре дребезжала надпись «Отсутствует сигнал».

– Так бы сразу и сказали, что хотите его сломать.

– Сломать? – усмехнулся Мастер. – Ни в коем случае! Для рекламы он не годится. Всё равно её никто не смотрит. А вот для благих целей – самое то!

– Кино? Хотите кинотеатр сделать?

– Что за скучная фантазия такая?! Не разочаровывай меня, друг мой. – Он достал из рюкзака браслет, похожий на умные часы, только с непривычными кнопками и вылезающими проводками. – Помнишь серебряное пенсне Виталь Виталича, про которое ты всем разболтал? Оно мысли видит, разные мысли. Хаотичные, свои и чужие.

– Ну, я для добрых дел разболтал. И вообще, не разболтал, а поделился.

– Хорошо, как скажешь, – кивнул он. – И вот, значит, что я подумал. Не бывает хаотичных мыслей. Ведь хаоса нет в природе! Всё структурировано. Если мы не видим структуры, это не значит, что её там нет. В общем, я решил найти ту самую структуру мыслей. А точнее, самую

важную, самую сильную мысль, которая собирает остальные, которая объединяет, группирует, воздействует на них. Будем искать центральную мысль!

– Центральную?

– Интересно? Нет-нет! Не отвечай! В общем, я спаял прибор – часы, хотя, это уже не часы, а считывающая машина. Она будет собирать мысли в одну большую картинку. И транслировать на экран. – Он застегнул на своей руке ремешок. – В итоге нам станет очевидно, что самое важное в данный момент.

– Ладно, – нерешительно кивнул я. – А зачем такой большой экран? Можно же было подключиться к обычному телевизору или смартфону.

– А как же пафос? Как же масштаб? – воодушевленно воскликнул Мастер и многозначительно поднял руки вверх. – А как же, наконец, безрассудство? Долой скучные прелюдии и глупые сомнения! Только вперёд!

Он нажал на кнопку внизу электронного циферблата своих часов, и надпись «Отсутствует сигнал» пропала. Вместо неё на тёмном экране высочила картинка, расплывчатая, но яркая, с сине-фиолетовыми оттенками.

Потом резко уменьшилась и заняла маленькую клетку с краю. Возникла вторая картинка, тоже расплывчатая, тоже яркая и тоже уменьшилась до крохотной клетки. Затем третья, четвёртая. Ещё и ещё. Казалось, что кто-то включил слайд-шоу из фотографий и рисунков.

Они всё выскакивали и выскакивали. И вскоре огромное полотно было залито разноцветными клетками. Они мигали, переливались, словно живая мозаика, пазл, складывающийся в один проявляющийся сюжет. А потом всё остановилось.

– Что? Пирог? – я недоуменно взглянул на Мастера, который, к слову, расплёлся в широкой улыбке. – Это и есть ваша самая сильная мысль в данную минуту? Пирог? Серьёзно? Вы только что, вероятно, изобрели нечто удивительное, а думаете про какой-то пирог?

– Ну, во-первых, не какой-то пирог, а вишнёвый! Из слоеного теста, с кусочками сыра по краям! А во-вторых, друг мой, голод – это отличный мотиватор! Я целый день ничего не ел, был весь в работе, паял и программировал. И вот результат. И это... это великолепно!

Он нажал на кнопку, и картинка сочного пирога пропала с экрана, на котором вновь появилась надпись об отсутствии сигнала. Затем он протянул мне часы:

– Теперь твоя очередь.

– Моя? Нет. – Я шагнул назад и покачал головой. – Я очень рад вашему успеху, честно! Но пробовать не буду.

– Отчего же? – он приподнял брови. – Чего ты так боишься? Не хочешь, чтобы я знал твою самую сильную мысль? Я могу и не смотреть. А больше тут никого нет... Кроме жителей тех двух пятиэтажек. – Он засмеялся. – Но они все спят. Смелее, друг мой! Тебе же интересно, я знаю. Вперёд!

Я растерянно улыбнулся и взял у него часы. Застегнул ремешок и повернулся к экрану. А потом глубоко вдохнул. Нажал кнопку и включил слайд-шоу из собственных мыслей.

Картинки появлялись расплывчатые, но сочные. Синие и фиолетовые, зелёные и снова синие, красные и зелёные. Там было очень много цветов, и все они были очень яркими. Они возникали в самом центре, сверкали и уменьшались, складываясь в мозаику. А потом всё останавливалось.

Я всё это время стоял неподвижно, задумчиво. И даже когда мелькание на экране прекратилось, не пошевелился. Наверно, потому, что знал, что увижу.

– Ого! Великолепно! – улыбнулся Мастер. – Что скажешь, друг мой? Как тебе? – Но я ничего не ответил, а смотрел на экран. – Магия, не правда ли?

– А можно... – Я хотел повернуться к нему, но не стал, точнее, не смог... не смог отвести взгляда от сильной, волшебной мысли, которая приковала всё моё внимание.

– Так и знал! – рассмеялся он. – Хорошо. Можешь пока не выключать. Смотри столько, сколько нужно. Времени ещё целая куча. Но раз мы тут надолго... да и ночью прохладно. – Он вынул из рюкзака прозрачный контейнер с двумя кусками вишнёвого пирога из слоеного теста и с сыром по краям. – Угощайся, друг мой.

Интервью на заснеженной дороге

- Мастер положил передо мной диктофон:
- Вот.
 - Что это? – я поднял голову.
 - Диктофон.
 - Я вижу, что диктофон. Зачем он мне?
 - Это не подарок, – улыбнулся он. – Хочу, чтобы ты взял интервью.
 - У вас? Для чего? – я замер в удивлении.
 - Нет, не у меня, – усмехнулся Мастер. – Ты сидишь за монитором уже который день. Пасьянс раскладываешь. И ладно бы в этом была хоть какая-то идея, но ведь её там нет.
 - Я просто раскладываю карты. Что в этом плохого?
 - Это всё бесцельно. Нет-нет, друг мой, – он аккуратно коснулся моего плеча. – Пасьянс – это нормально. Но не с утра и до вечера четыре дня подряд.
 - Так проще, – выдохнул я и отвернулся.
 - Вот, – он пододвинул диктофон ближе.
 - Я не журналист. Брал интервью только один раз. Для журнала. У этих...
 - Знаю, – улыбнулся Мастер. – Эти хамоватые весельчаки с телевизора были тогда на пике. Да и ты, помнится, сквернословил за деньги. О, нет-нет! Я не осуждаю. Прошу, не сердись.
 - И у кого нужно взять интервью?
 - У музы.
 - А?
 - У музы, – повторил Мастер.
 - Я расслышал. Но подумал, вы пошутили.
 - Нет. Даже и не думал. Ну что, согласен?
 - Бред... Хотя, зная вас. Да и как? Я же не готовился. И где мне её найти?
 - Разве ты не знаешь, где искать музу? – удивленно спросил Мастер.
 - Постойте, дайте припомнить! В Великом Устюге, наверно. Или за полярным кругом. Ну, откуда ж мне знать? Она всегда сама приходит.
 - А сам разве не искал?
 - Конечно, искал. Даже покупал костюм, гладил рубашку, шёл в уютное кафе. Ну, вы знаете! Кафе, где сидишь, расслабляешься. Чашка капучино на столике. Блокнот, ручка. Писательская атмосфера – лучше и не придумаешь. Но она не пришла. Она никогда туда не приходила.
 - Ты бы ещё в бассейн её пригласил! – засмеялся Мастер. – Или в боулинг! А лучше в тир из лука пострелять!
 - Не смешно.
 - Вот, – Мастер развернул карту на столе и ткнул пальцем. – Знаешь это место? Туда иди и встретишься с музой.
 - Вы с ума сошли? Туда идти не меньше часа! А в окно выглядывали? Там даже не метель, а снежная буря! Я скорее деда из Устюга встречу, чем музу.
 - Включается здесь, – он щелкнул на кнопку записи. – Это пауза. Это перемотка, если потребуется. Аккумуляторы заряжены. На пару часов хватит.
 - Может, завтра или на следующей неделе? – я нехотя поднялся со стула.
 - Ты справишься, друг мой.

Не успел я прикрыть за собой дверь, как с плеч скатились слипшиеся снежные погоны. Я надавил на неё, прижимая забившийся наст к порогу, и повернул ключ.

– Чайник только-только вскипел, – весело встретил меня Мастер. – Может достать из кладовой баночку крыжовника? А? Как всё прошло?

– Ух! – только и смог сказать я в ответ, стянул шапку, а потом хлопнул пару раз ею об колено, сбивая густые хлопья. – Ух!

– Определенно, – заявил Мастер и с неприкрытым удовольствием скрылся за шторкой. – Определенно нужен крыжовник.

– Вы знали, что она рядом ходит? Почти всегда. Представляете? Я не поверил сперва, но она давай сыпать аргументами, вспоминать, рассказывать то, что никто кроме меня не знает. Представляете?

– Да ты садись-садись, – Мастер вернулся в комнату. – И тапочки надень, а то башмаки, наверно, промокли.

– А?! Ну да! – Я шагнул к шкафу с одеждой. – А вы знали, что она в кафе не любит работать? Только она сказала, не работать, а сиять. Знали? Я её спрашиваю, что же ты меня игнорировала? Я ведь ждал, даже костюм новый купил. И столько часов в кафе просидел, столько кофе выпил.

– А она?

– А она говорит, что рядом сидела. И тоже кофе пила. Вместе со мной. Каждый раз. Представляете? Но работать – то есть сиять – в кафе не хочет. Говорит, что я насмотрелся на фотографии, где счастливые люди за ноутбуком, за блокнотом сидят, типа, пишут в кафе или на пляже, писатели, типа. Говорит, фото красивые, но искусственные. По крайней мере, ей не комфортно так. Для сайта, для страницы в соцсетях – пожалуйста. Устраивай фотосессию, говорит. Но если хочешь сиять, то где-нибудь в другом месте.

– Логично, – кивнул Мастер.

– А я ведь как только из лавки вышел, сразу по дороге пошел. К тому месту, на которое вы указали. А она вдруг из-за угла появляется. Я говорю, пойдем под навес какой-нибудь, ведь метель. А она не хочет. Мол, люблю гулять. Ну, мы и пошли.

– Далеко ушли или по городу круг сделали?

– Хм. Не помню. Просто шли. Я как-то не обратил внимание. А что?

– Так тебя почти три часа не было.

– Серьезно?

– Аккумуляторы сели, наверно.

– Ой! – я усмехнулся. – Совсем забыл. Представляете? Забыл про диктофон. Вот, держите.

– Понимаю, – улыбнулся Мастер, забирая его. – И что дальше? Что ещё сказала?

– Много всего! Очень и очень интересно! Ух, надо всё записать! Могу ведь забыть! – Я помчался в соседнюю комнату к письменному столу. – Ещё предупредила, чтобы часто не ждал её у белого листа. Она не всегда сиять начинает с первых мыслей. Но может и сама начать сиять. В общем, мы договорились друг друга поддерживать.

– Чего? Не слышу тебя за стеной! – прокричал Мастер.

– Сейча-а-с приду! – я вернулся к Мастеру. – Знаете, я ей предложил какой-нибудь сигнал или знак придумать, ритуал, чтобы её вызывать, а она нахмурилась. Мол, не животное, чтобы её дрессировать. Представляете? Говорит, чтобы я сам себя дрессировал. А она помогать будет.

– Какая принципиальная!

– А то?!

Я сел за столик и положил перед собой блокнот с карандашом.

– Эх, как же всё-таки важно было узнать, что она рядом. Сказала, что смотрит на мир моими глазами, что чувствует его моим сердцем. Сказала, когда я радуюсь – она сияет. Когда сияет она – радуюсь я. В общем, радуем и сияем друг друга.

– Чай? – Мастер пододвинул поднос с чашками.

Список подарков для 3-d принтера

Не успел звонкий колокольчик над дверью остановиться, как из глубины лавки раздался голос Мастера:

– Подошвы отряхни.

Я постучал ботинками о резиновый коврик, посыпав его хлопьями свежего снега.

– Ещё отряхни, – сказал он, выйдя из-за шторы к стеллажам витрины. – За утро намело. Аж по колено!

– Ну уж и по колено?

– Да-да. По колено, – повторил он. – С трудом дверь откопал. Еле открыл. Принёс?

– Да, как вы и просили. – Я расстегнул рюкзак и достал пачку исписанных листов. – Вот. Всё, что смог. Девять листов.

– Всего девять? – засмеялся Мастер. – Не мало ли?

– Ну... там ещё обратная сторона... с двух сторон.

Получается всего восемнадцать. А вы полагаете, этого недостаточно? Но я всю ночь сидел, выдумывал, выписывал. Закончил только пару часов назад.

– Верю-верю, – он взял у меня листы и положил на прилавок. – Понимаешь, когда я просил составить список подарков, которые ты бы хотел получить на праздник, я думал... ладно... не важно. Придётся искать лоток побольше.

– Побольше? Что ещё за лоток?

Мастер вытащил из-под прилавка стеклянную коробку с металлическим каркасом и поставил передо мной.

– Вот. Мой новый 3-d принтер. Будем печатать твои подарки.

– Опять вы со своими чудо-штуковинами! – я наклонился над коробкой и широко улыбнулся. – Признаюсь, что-то подобное ожидал. Вы – не вы без этих ваших фокусов... ну вы поняли. – Мастер улыбнулся. – Вот только я представлял скатерть-самобранку... ну или волшебную палочку, наконец.

– Я разве похож на динозавра? – прищурился он. – Какая ещё скатерть? Палочка? Между прочим, я даже в инстаграме есть. Хотя, тебе это не известно. Тебя же нет в инстаграме.

– Давайте, – кивнул я. – Показывайте ваш чудной агрегат.

– Сюда в лоток помещаем бумагу, как в обычный принтер. – Мастер выдвинул узкий контейнер внизу стеклянной коробки. – Вот только у тебя много листов. Все не влезут.

– А зачем вы сделали такой маленький?

– Это экспериментальная модель! – отмахнулся Мастер. – И вообще! Я не предполагал, что ты принесёшь целый труд! Девять листов! Кто бы мог подумать?! О, Вездесущие Шопобоги!

– Так вы не сказали, что надо меньше. Я могу и меньше. И... можно ведь по одному листу совать. Можно ведь? Не целой пачкой, а по одному? Или по двум? А?

– Можно и по одному... Только потом придётся ждать неделю или месяц, а то и два, чтобы новый лист загрузить.

– Почему?

– Говорю, модель – экспериментальная. Весь заряд расходуется на единственную обработку. А как быстро заряжать я ещё не придумал.

– Хм, получается, мне нужно выбрать из девяти листов только один?

– Получается.

– Пойдите, а я ведь могу всё переписать мелким почерком. Очень мелким. И весь список уместить на одном листе. Ваш агрегат справится с мелким почерком?

– Думаю, да.

– Замечательно.

Я сел за стойку, разложил перед собой листы и принялся переписывать ночные труды, пытаюсь втиснуть всё на одну страницу. Но уже к середине осознал всю тщетность своей идеи. Даже если умудриться нанести буквы сразу под буквами, строчки под строчками, не оставляя пробелов, то места всё равно не хватит.

И тогда я вычеркнул один из подарков. Думал, будет болезненно, но оказалось – нет. Наоборот! Даже волнительно. Потом я вычеркнул ещё один. Потом ещё и ещё. Мастер отошёл в сторону и тихо опустил на стул.

Я стал жадно вычёркивать всё, что жадно написал ночью. И с каждым новым вычеркнутым подарком счастье возвращалось в мой новый день. Вдруг я остановился. Стоп! Что я делаю? Зачем?

– Что случилось? – Мастер уставился на меня.

– Вы знаете, это ведь даже не мои желания. Мне их насовали отовсюду. В мусор! Всё – в мусор!

– Стой! Не надо, не рви! – он вытянул руку, чтобы остановить меня. – Дай лучше мне.

– Зачем?

– Мне же надо знать, что тебе не дарить. Вот, держи, – он протянул мне чистый лист. – Теперь напиши свои. А я пойду почитаю и чай поставлю. Тебе с лимоном? Хорошо. Если раньше закончишь, запускай этим рычажком.

Я сидел, уткнувшись в белый лист. Смотрел на него, улыбался и хмурился. Снова улыбался и снова хмурился. Кивал, а потом возмущался и качал головой. Подарки? Список подарков? Что же это может быть?

Когда Мастер вернулся с двумя чашками горячего чая, чудо-агрегат уже печатал.

– Шоколадные эклеры? – весело воскликнул он.

– Да. К чаю – самое то! Помните, вы угощали меня вишневым пирогом? Теперь моя очередь. Присаживайтесь.

Лимонник Джанджи

Я поднял ладью, когда постучали. Замер, а рука зависла над полем.

– Мастер, по-моему, там кто-то пришёл.

– Ходи, мой друг, – ответил он.

– Вы разве не слышали? Кто-то постучал.

– Слышал. Но ты поднял фигуру, а значит, нужно завершить ход.

– Ну, вот, – растерянно вздохнул я, – забыл, куда хотел... сбился. Дайте немного подумать. – Вновь раздался стук. – Да откройте же вы, наконец. Вдруг что-то важное.

– Всегда будет что-то важное. Ходи.

За дверью никого не оказалось. Мастер выглянул в коридор, но и там было пусто. Тогда он вернулся в комнату и уселся в кресло. Игра продолжилась. Но не долго. Снова постучали.

– Мне кажется, это на кухне, а не в прихожей, – предположил я.

– Похоже на то, – согласился он.

За окном возле старого кондиционера свисал стебель с густой ягодной кистью. Несколько листьев прилипло к стеклу, а самый крупный свернулся в трубочку и колотил в деревянную раму.

– Однако, – воодушевился Мастер и распахнул окно. – Какими судьбами, Джанджи?

– Ну, наконец-то! Ну, сколько можно стучаться? Чего так долго? – возмущенно пробубнил лимонник и вполз на подоконник.

Я застыл, наблюдая, как длинный стебель обвивается вокруг графина с водой, как поднимает его и жадно опустошает.

– Рад тебя видеть, Джанджи, – Мастер наполнил графин. – Как поживает Емельян Аркадьевич? Давно с ним не виделся. Или он уехал куда?

– Куда он уедет? От меня то? – воскликнул лимонник и собрал в кольцо свои ягодные грозди. – Дома сидит. Уже который месяц. Не выходит. Я ему говорю, Емельян, иди, проветрись, прогуляйся. А он – ни в какую!

– Он здоров? Может проведать нужно?

– Я как раз для этого и спустился. Четыре этажа вниз полз. Два дня! Пока до вашего окна добрался. Прошу, сходите к нему, а то меня он не слушает. А вас, уверен, послушает.

– Хорошо. Сейчас же поднимусь к нему.

Мы направились к лифту и приехали на шестой этаж. На лестничной площадке Мастер остановился и посмотрел на меня:

– Будь аккуратнее, мой друг. Это я познакомил Емельяна Аркадьевича с Джанджи. Давняя история. Ничего там не трогай и лучше ничего не спрашивай. Джанджи легко может свести с ума. Думаю, это именно тот случай.

Замок в двери был уже открыт, но сама дверь с трудом поддавалась. Что-то держало её изнутри. Мастер достал фонарик и направил его в тёмный коридор.

– Так и думал, – сказал он вполголоса. – Лезь за мной, только не поломай стебель.

Мы протиснулись в узкую щель и оказались внутри тёмно-зеленой паутины. В глаза, в нос поползли листья, ягодные гроздья, а резкий лимонный запах оказался настолько сильным, что через несколько шагов у меня закружилась голова. Я натянул ворот до середины лица и устремился за Мастером.

– Емельян Аркадьевич? Вы здесь? – Никто не ответил, и мы решили продвигаться дальше. – Это ваш сосед со второго этажа? Отзовитесь?

Вдруг в нескольких шагах где-то на уровне пола раздался глухой стон. Мастер нагнулся и раздвинул густые спирали разросшегося лимонника. Сквозь паутину, сплетенную плотным стеблем, показалось изможденное лицо хозяина квартиры.

– Помогите!

– Дайте руку, сейчас мы вас вытащим!

Через полчаса мы вчетвером – я, Мастер, Емельян Аркадьевич и Джанджи – сидели на единственном диване в заросшей гостиной.

– Это он вас позвал? Да? – расстроено заговорил Емельян Аркадьевич, кивая на лимонник. – Я же просил! Зачем? Это наше с тобой дело!

– Они спасли тебя, – обиженно заявил Джанджи. – Ты перестал мечтать. И меня стало так много, что ещё чуть-чуть и... Я сделал это ради тебя!

– Емельян Аркадьевич, а что с вашей квартирой? – деликатно поинтересовался Мастер. – Помню, у вас было весьма уютно.

– И сейчас не хуже, – ответил тот.

– Я же вас предупреждал. Нельзя так с Джанджи. Этот лимонник не простой. Посмотрите, как он вырос. Ему же тесно. А грозди? Они же нуждаются в чудесах! Без чудес Джанджи погибнет. Вы ведь понимаете?

– Я знаю, всё знаю! Но нет у меня чудес для него. Нет.

– Закончились чудеса? – Мастер не смог скрыть удивление.

– Я не знаю, что пожелать. Только что-то придумаю, сразу всё кажется каким-то мелочным и ненужным... Вы смеетесь? Не смейтесь.

– Никто над вами не смеётся. Это частый случай. Когда в руках безграничное, тогда все границы исчезают. Нет границ – нет формы. А нет формы, то и содержание не удержать. Вода разольётся без кувшина, песок рассыплется без часов.

– Что мне делать?

– Я бы забрал Джанджи обратно, но он выбрал вас. Увидел в вас опору.

– Опору?

– Каждой лиане нужна опора.

– Но... как мне придумать ему чудеса?

– А вы считаете, это легко воплощать желания? Нет, это настоящая работа! Ответственная и необходимая. И такая же ответственная работа – это придумывать желания, мечтать. Он готов трудиться ради чудес, почему вы не готовы трудиться, чтобы дать ему эти чудеса?

– Смогу ли?

– Поймите. Если ему не давать чудеса, он будет и дальше извиваться, плести паутины и запутает вас и себя. Ему обязательно нужны чудеса!

– А если... если я пожелаю что-то не для себя, а для кого-нибудь ещё? Если попробовать исполнять мечты других людей? – смущенно спросил Емельян Аркадьевич.

– Вы это серьёзно? – захохотал Мастер. – Вы ещё никому ничего не желали? Ну, вы даёте! Я то думал, у вас что-то серьёзно стряслось! Уф! Аж груз с плеч свалился!

Большой лист для впечатлений

Дверь в лавку приоткрылась, и звонкий колокольчик забренчал где-то наверху. Мастер аккуратно положил на полку книгу в кожаном переплёте и обернулся.

– Юрий, рад тебя опять видеть у меня в лавке, – улыбнулся он.

– Добрый день. Я по делу. Нужен лист для впечатлений, – сказал я и добавил: – чтобы записать их. А то я иногда забываю их записывать.

– А какой нужен? Белый? Или цветной?

– Желательно какой-нибудь яркий и в клеточку... а лучше с прописью.

– С прописью? Так это же школьный лист, – заявил Мастер.

– Всё верно. Помните, 20 лет назад я брал у вас лист для выпускного? Мне снова он нужен.

– Вижу, ты тоже на днях ходил на встречу выпускников, – закивал головой Мастер. – Что ж, есть у меня такой лист.

– Только мне не нужен обычный лист, а нужен большой.

– Большой? Так много впечатлений?

– Впечатлений много, как и по окончании школы. Но теперь они более яркие и более тёплые. И, чувствую, для таких впечатлений обычного листа точно не хватит.

Мастер достал из-под прилавка свёрток и раскрыл его:

– Больших с прописью осталось немного.

– А куда все делись? – удивился я.

– Перед вами заходили почти все ваши одноклассники и разобрали большие листы для впечатлений. Но я вам оставил несколько. Надеюсь, что вы придёте, – он улыбнулся.

Фруктовое небо с овощами и пурпурный горизонт

Что такое? Это что – огурец? Пупырчатый согнутый огурец на тёмном небосводе? Как так? Луну вижу, но почему рядом с ней огурец?

О! Да он там не один. Сколько огурцов! Раз, два, три... И тыква. Почему среди огурцов тыква? Или это дыня? Нет, дыня вон там, чуть дальше – за морковками. Возле арбуза. Эх, сейчас бы телескоп!

Надо раздобыть телескоп, и тогда я рассмотрю кабачки. Обязательно. Пренебреженно. Хотя. Есть подозрения. Совсем незначительные.

Может это не луна? Да нет, что я – луну не узнаю?! Это определённо она. Не совсем круглая, чуть примятая с одного края, но это она! До полнолуния неделя, не меньше. А вот, судя по арбузу, полноарбузие сегодня.

По-моему, я сплю. Да не! Хотя... Мысль вдруг растворилась в исчезающем сне. И глаза открылись.

Когда я вошел в лавку, за стойкой напротив Мастера сидел посетитель: невысокого роста, немного сутулый, с густыми бакенбардами и длинными седыми усами. На полу стоял знакомый кожаный футляр, но даже если бы его там не было, я всё равно узнал бы в человеке нашего частого гостя – Звездочёта.

– Доброе утро, – сказал я и прошёл в дальний угол к шкафу, чтобы снять пальто.

– Доброе утро, – кивнул Мастер, а вслед за ним поздоровался и Звездочёт. – Как настроение?

– А что?

– Вид у тебя какой-то... угрюмо-задумчивый, что ли.

– Нормальный вид. Утренний. – Я повесил пальто на крючок и сел в кресло.

– Верно паренёк говорит. Свежая голова – свежие мысли, – поддержал меня Звездочёт.

– Кто ж спорит, – продолжил Мастер. – Только вот... что-то мне подсказывает... Впрочем, могло и показаться.

– Просто пытаюсь решить одну задачу, – перебил я его. – Ребус, загадку. Как угодно называйте. В общем, хочу понять, но не получается.

– Мы загадки любим, – усмехнулся Звездочёт. – Что за ребус? Говори, рассказывай.

– Сон мне снится, – начал я.

– Так? – Звездочёт отодвинул в сторону свой большой футляр с телескопом и повернулся ко мне. – Кошмар или радость какая?

– Да вроде не кошмар. Но и радости мало. Хотя, может она там и есть, но пока не понятно, где именно.

– Что-то путано говоришь. Лет тебе ещё не так много, чтобы увязнуть. К сути! К сути переходи!

– Да погоди, старый друг, – Мастер улыбнулся. – Ты ж ему и слова не даешь вставить.

– Молчу-молчу.

– Сон снится. Каждый день. Один и тот же, – продолжил я. – Уже не помню, когда началось. Недели две назад или месяц. Ощущение – что давно. Снится и снится. Снится и снится. Одно и то же. И ладно бы что-то интересное. Но нет. Овощи.

– Овощи? – удивленно переспросил Звездочёт.

– И фрукты, – добавил я. – Овощи и фрукты.

– Хм, – Мастер поднес руку к подбородку и замер. – Сырые или приготовленные?

– Не смешно.

– Да я и не смеюсь. Пытаюсь представить.

– А что там представлять? Овощи и фрукты: арбуз, морковь, тыква. И много огурцов.
– Каждую ночь? – Звездочёт взглянул на Мастера, а потом опять на меня. – К чему бы это?

– Вот и я думаю, к чему? Может послание какое? Ведь не бывает что-то без причины. Всегда есть причина. Вы ведь меня этому учили, Мастер. Вы говорили, что у всего есть причина, пусть даже не такая очевидная.

– Знаешь, мой юный друг, с таким я ещё не сталкивался. Но причина... Причина всегда есть.

– А самое для меня не объяснимое то, что все фрукты и овощи на небе висят.

– В каком смысле?

– В прямом. Вокруг луны. – Я встал с кресла и начал бродить вдоль стойки туда-сюда.
– Всё ночное небо усыпано огурцами. Представляете? И морковками. – Я подошел к окну и взглянул на утреннее солнце, поднимающееся над городом, на редкие надутые облака. – А вон там арбуз висел. Огромный такой. Больше луны, между прочим.

– Ого! – широко улыбнулся Звездочёт.

– Не знаю, за что мне это? В чём виноват? Что я сделал или, наоборот, не сделал? – я повернулся к ним. – Через дорогу от меня продуктовый магазин. Ну, вы знаете, тот, у которого возле входа лотки с овощами и фруктами стоят. Так вот, решил, что вид из окна как-то влияет. И завесил всё тёмными шторами. Днём светло, солнце светит, а я все лампы включил, чтобы по дому ходить. Представляете? – я вернулся обратно в кресло. – Наверное, схожу с ума. Вот только не хотелось бы.

– А магазин продуктовый – это тот, что возле парка с фонтанами? – поинтересовался Звездочёт.

– Да, он самый.

– Ой.

И тут мы с Мастером переглянулись.

– Ой, – вновь повторил Звездочёт. – Как неловко получилось. Но это... Вы понимаете, что это значит? Понимаете? Он заработал! Он, наконец, заработал!

– Вы о чём? – растерянно спросил я.

– О нём! Работает! Наконец-то работает! – Он открыл футляр и вытащил из него телескоп. По всей длине корпуса были накручены провода, а сверху на изоленту была примотана запечатанная колба с жидкостью. – Я думал, не получается. Результата то нет. И пыль добавлю, и немного ветра с лепестков. А как проверить? Никак. Но вот результат! Сидит передо мной! – он махнул в мою сторону. – Работает!

– Ты что натворил, старый проныра? – Мастер вдруг нахмурился. – Это то, о чём я думаю? Да? Ну-ка посмотри мне в глаза. Ты всё-таки его собрал?

– А что? – Звездочёт сразу стал тише. – Это ведь на благо...

– Мы же с тобой много раз обсуждали. Говорил же тебе, что нельзя так. Только не так.

– Объясните мне, я не понимаю, – я поднялся с кресла.

– Но они забыли про звёзды. Они больше не смотрят на них, – начал оправдываться Звездочёт, но опустил голову.

– Только не так, слышишь? Только не так!

– Они стали безразличны. Теперь смотрят только в свои синие экраны.

– И пусть смотрят. Это ведь их выбор, их жизнь.

– Пусть. Но днём! А ночью пусть смотрят на звёзды. Эх, как же ты не понимаешь.

– Я всё понимаю, старый друг, – Мастер шагнул к нему.

– А я вообще ничего не понимаю.

– Это не телескоп, – Мастер повернулся ко мне. – Раньше был, но теперь это сонная пушка.

– Сонный луч, – поправил Звездочёт.

– Сонный луч, – кивнул Мастер. – Мой друг решил внедряться в сновидения к людям. Решил им показывать звездное небо, пока они спят. Говорит, что хотя бы так они начнут любить Вселенной.

– А разве нет?

– Нет, мой упрямый друг. Когда-то ты сам мне говорил, что насилие неприемлемо. Тем более, насилие над волей.

– Да я просто хотел им вернуть любовь к звёздам...

– Сила не рождает любовь. Любовь рождает силу.

Звездочёт совсем поник. Он молча поднялся со своего стула, застыл на мгновение, потом чуть заметно кивнул и направился к выходу. Я захотел его остановить, но Мастер преградил мне дорогу. Дверной колокольчик зазвенел, и вот мы остались вдвоём.

– Он не забрал свой телескоп, – сказал я, – точнее, сонный луч.

– Он знает, что его лучше оставить здесь.

– Вы его разберёте, уничтожите?

– Посмотрим, – Мастер повернул переделанный телескоп. – Видишь, он не поставил на выходе отражатели. Вот тут. И фонило в твою сторону. Возможно, не только в твою. Скорее всего, потому тебе и снились овощи из магазина. За ним ведь пустырь. Наш друг часто наблюдает там за звёздами. Видимо, там же он и работал над лучом. Хм. Звёздная пыль с ветром в колбе – это он удачно совместил. Талантливый пронира!

Меня вдруг осенило. Я кинулся к стойке, схватил лист бумаги и быстро набросал эскиз афиши. Затем выскочил на улицу и помчался вслед за исчезающим за поворотом Звездочётом.

– Постойте! Постойте же! Вот! – я сунул ему в руку эскиз.

– Что это? «Пурпурный горизонт»? 23:00?

– Мы распечатаем афиши. Много-много. Расклеим по всему городу. И всех позовём.

– Куда позовём? Кого?

– Всех! К вам в парк или на пустырь! Куда скажите!

– Зачем?

– Мы позовём их смотреть на звёзды!

– Ха, молодость... наивность, – Звездочёт печально усмехнулся. – Никто не придёт.

– Придут! Все придут!

– Нет, молодой человек. Никто не придёт. Им больше не нужны звёзды. Теперь у них свои. В квартирах, в карманах, во снах.

– Они просто забыли о них. Просто забыли. А мы напомним! И тогда они придут! Все-все!

– Я уж точно приду, – сзади послышался голос Мастера. – И принесу бочонок облепихового варенья. Заварим вкусный чай.

– Ха, старый неисправимый романтик, – вновь усмехнулся Звездочёт. – Если все придут, то твоего бочонка точно не хватит.

– Что-нибудь придумаем, – улыбнулся Мастер.

Масло, радость и очки

Пещера казалась бесконечно длинной. Жёлтый свет от налобного фонарика, дребезжащего в резиновом креплении, уходил далеко вперёд, пропадая в густой, вязкой темноте. Я нагнулся, чтобы не удариться головой о торчащий сверху каменный выступ и прошёл дальше.

– Далеко ещё? – я обернулся на Мастера.

Он не ответил. Лишь поднял вверх указательный палец и замер. Глазами он быстро разрезал тьму и вслушивался в звуки, рождаемые глубокой пещерой.

Холод начал прилипать к ступням. Ноги уже давно промокли от снега, попавшего в ботинки. Даже тщательная шнуровка не помогла. Я кутался в пуховую куртку, пряча нос и пол лица под шерстяным шарфом.

– Долго ещё? Далеко? – Но Мастер опять не ответил, и тогда я решил достать капризы из своего кармана. – Всё! Хватит! Дальше не пойду. – Я остановился, а потом попятился назад. – Возвращаюсь.

– Тссс. Слышишь?

– Я очень замёрз, Мастер. Мне не до ваших игр.

– Мы почти пришли.

– Я возвращаюсь. Вы слышите? Скоро праздник. Ещё столько всего нужно успеть... Стол, подарки. Поздравить по списку. А список у меня большой.

– Тссс. – Он совсем меня не слушал. – Думаю, здесь.

– Можете оставаться, если хотите. А я пошёл.

– Вот! – Мастер нагнулся, снял с головы фонарик и поднял его над небольшим выступом в стене. – Мы на месте. Сейчас соберём масло и вернёмся. – Он достал из рюкзака банку и самодельный нож с широким лезвием. – Вы абсолютно правы, мой друг. Холод жуткий. Ещё чуть-чуть, и застучат зубы.

– Вы притащили меня за этим? – Я вытянулся над ним и слегка нагнулся, чтобы рассмотреть, как он соскабливает чёрную смолу в свою стеклянную банку.

– Верно.

– И что это? Какое-то лекарство? Чудо-слизь? Мне то что делать?

– Что угодно. Или ничего. Делайте всё, что придумаете.

– То есть как? Это же вы меня позвали. Сказали, есть дело. А теперь для меня дела нет?

– Всегда есть дело. И у вас оно есть. И, между прочим, оно очень хорошо у вас получается, – заявил Мастер.

– У меня? Стоять и светить фонариком? И это вы называете делом?

– Конечно. Не каждому дано так умело светить фонариком. С вами не заблудишься, друг мой.

– Ну, спасибо, – недовольно фыркнул я.

– А ещё вы часто говорите без умолку.словно радио. С вами не скучно. Всё. – Он поднялся и выпрямился.

– Всё собрали. Теперь можно возвращаться.

– Хвала тёплым носкам! – воскликнул я, и мы зашагали по нашим следам обратно к выходу.

Возле расщелины лежало старое дерево, и Мастер поспешил на нём расположиться, поставил банку с собранным маслом на бревно и накрыл своей шапкой. Затем вынул из рюкзака крохотный резиновый шпатель и очки.

– Что вы делаете?

– Сейчас расскажу. Только вы повторяйте за мной. Так мы быстрее управимся. – Он вытащил ещё одни очки. – Слой должен быть не очень густым. И главное – равномерным. Без пятен. Аккуратно размазывайте по стеклу. Желательно в одном направлении. Так линий будет практически не заметно.

Мастер краешком шпателя зачерпнул тёмную слизь из банки и размазал по стеклу, не задев оправу. Подравнял края, снова зачерпнул, снова размазал, словно в руках были не очки, а утренний бутерброд.

Затем он отдал мне шпатель и поднял очки на вытянутой руке, вращая в лучах солнца, выглядывающего из-за скалы.

– Да. Правильно. Чуть аккуратнее ближе к краю. Хорошо. Я бы не сделал лучше. – Он следил, как я закрашиваю очки и не ограничивал себя в комплиментах моему кривому исполнению. – Теперь надо подсушить. Ага. Всё верно.

Мы сидели на упавшем дереве и крутили очки с закрашенными стеклами. Мастер что-то говорил, но я потерял суть его рассказа, вдруг осознав, что озноб прошёл, и мне уже не так холодно, как в пещере.

– Всё. Готово. – Мастер поднялся с бревна. – Теперь надо возвращаться в город. Скоро праздник начнётся, а нам ещё так много нужно сделать.

– В смысле, сделать? – нахмурился я. – Это ещё не всё?

– Конечно же, нет. Мы только начали. Примерьте.

– Что?

– Наденьте свои очки.

Я недоверчиво посмотрел на закрашенные стекла, а они вдруг стали малахитовыми. С переливающимися узорами. Я даже и не понял, в какой момент масло вдруг перестало вызывать отвращение.

– Забавно. Красивые узоры. А что это?

– Говорю же, масло. Надевайте. Ну!

И я надел.

– Ну как?

– Ой! Ух ты! Как странно... ничего не понимаю... Вы светитесь... А почему? Что это такое? – Я снял очки и взглянул на Мастера. – Вы светились. Весь.

– Это радость. Вы увидели радость.

– В каком смысле радость?

– В самом прямом. Прогулка сегодня замечательная. Пусть даже и морозно слегка. Но прогулка замечательная. Вот я и радуюсь. Свечусь.

– Хотите сказать, эти очки позволяют видеть радость?

– Да.

– Ха, вот-те новости. Забавно. Необычно. Никогда бы не подумал. А я какой? Я свечусь?

– Наденьте и взгляните на себя.

Я надел очки и осмотрел себя. Свечения не было.

– На мне не работает. Досадно.

– Отчего ж не работает? Очень даже работает.

– Я помню ваши очки для рассмотрения мыслей. Они тоже из этого масла сделаны?

– Нет, там другой состав, – улыбнулся Мастер. – Ладно. Отдохнули, а теперь за дело.

– Ещё дело? – опешил я. – Вы помните, что сегодня предпраздничный день? Может мы перенесём ваши дела на потом? Новый год же, Мастер!

– Именно! – провозгласил он. – Пойдемте, мой друг. Я вам предлагаю встретить праздник необычно. С пользой. И возможно, вам удастся засветиться.

– То есть?

– Надевайте очки. И пойдемте в город. Будем искать потускневших людей.

- Зачем?
- Будем пробуждать в них свет.
- Каким образом?
- У меня в машине довольно большой запас разных подарков. Весь год готовился. А если кому-то подарок не нужен будет, тогда просто обнимем потускневшую душу. Вы со мной?
- Вы сейчас мне напомнили одного персонажа с бородой и посохом.
- Очень смешно, – отмахнулся Мастер. – Итак? Вы со мной?

Идейная шляпа и быстрые башмаки

Утро выдалось дождливым. Капли собирались в ручьи и устремлялись вниз по оконной витрине лавки. Мастер вертелся в углу. Он что-то тихо напевал, аккуратно убавил газ на плитке и заглянул под крышку пробуждающегося чайника.

Я же покачивался на стремянке возле боковых полок. Деревянной взъерошенной щёткой снимал тонкий слой пыли с верхних стеллажей, иногда смахивая на пол цветные карандаши, обернутые в бумагу и перевязанные канцелярской резинкой. Мастер укоризненно поглядывал в мою сторону, но ни разу не сделал замечание.

– А зачем вам столько карандашей? Вы ведь ими редко пользуетесь.

– Карандашей, мой друг, много не бывает, – пояснил он, – тем более, цветных.

– Согласен.

Я поднялся на верхнюю ступень и осмотрел поверхность. Чисто. Почти без единой пылинки. Почти идеально. И тут раздался звон дверного колокольчика.

Человек закрыл зонт, смахнул ладонью капли с рукава и подошёл к прилавку.

– Доброе утро, – улыбнулся Мастер.

– Да. Всё верно, – отозвался человек. – Мне вас рекомендовали. Знаете ли... хм...

– Что-то конкретное?

– Я записал, вот... но оставил... видимо, в другом плаще. – Он нырял в карманы, перекладывая зонт то в правую, то в левую руку.

– Будете чай? Только-только закипает. Свежий. С малиной. Как раз для дождливого утра.

– Чай? О, нет. Тороплюсь. Покажите мне ботинки. Те, которые быстрые.

Мастер шагнул к шкафчику с одеждой и поднял с полки кожаные башмаки с вышитыми по бокам цифрами.

– Здесь написано: 30-50 км/ч. Это правда? Или маркетинговый ход?

– Если под маркетингом вы подразумеваете скорость, то да. Правда, – улыбнулся хозяин лавки.

– Как ими пользоваться? Просто надеть? И всё?

– Да. Надеваете. Идёте. Бежите. Как угодно.

– И я смогу идти так быстро? Пятьдесят километров в час?

– Да, – кивнул Мастер. – Точно не хотите чаю?

– Ботинки беру. А есть ещё что-нибудь любопытное? Что это за шляпа там на полке?

– Эта? – Мастер взял фетровую шляпу с закрученной тесьмой. – Идейная шляпа. Надеваете, и вам приходят самые разные идеи.

– То, что надо! Беру! – восторженно заявил человек. – А есть подробные инструкции? Есть? И к ботинкам и к шляпе? Отлично. Беру. А это что за пиджак?

– Пиджак уютный.

– Как работает?

– В нём всегда уютно, – улыбнулся Мастер.

– Я понимаю, что уютно. А работает как?

– Так и работает. Надеваете, и вам уютно.

– Ясно. Тогда не надо. – Он повернулся к полкам, затем вытянулся над стеклянным прилавком, изучая содержимое. – А что-нибудь сильное... что-нибудь... такое... Понимаете?

– Если бы я знал, для каких целей и что вы ищите, я бы мог подсказать, – пояснил хозяин лавки.

– Хм... понимаете, вокруг столько глупых и безобразных существ. А есть навязчивые и такие бездарные. А есть откровенные наглецы. Понимаете? Они повсюду. Учи их – не учи, а всё без толку! Ползут, лезут. Хамят на пустом месте. На ровном! Понимаете? Им дай волю,

они тотчас тебя помоями обольют и медаль за это попросят. У тебя же и попросят. За то, что помоями облили. Наглые. Самоуверенные. Понимаете?

– Наверно, я знаю, что вы ищете, – кивнул хозяин лавки. – Вот. Очень сильное средство. – Мастер вытащил из-под прилавка квадратную коробочку и поднял крышку. – Зеркальный шар.

– Как работает?

– Располагаете на ладони, направляете на объект, который вам хамит, и смотрите.

– И?

– Шар ловит отражения. Как с одной стороны, так и с другой.

– И что? – недоуменно развел тот руками.

– Картина получается более объёмная.

– Хм... ерунда какая-то. Нет, не нужно. Возьму только ботинки и шляпу.

Он расплатился с Мастером и направился к выходу. Колокольчик зазвенел, и сквозь дверной проём полетели капли дождя. Человек распахнул зонт и свернул за угол.

Я наконец спустился со стремянки и подошёл к чайному столику, где над глубокими чашками поднимался полупрозрачный аромат малины.

– А эти зеркальные шары вообще кто-нибудь покупал?

– Да. Покупали. Правда, не так много, – улыбнулся Мастер. – Но и это не может не радовать.

Улыбающиеся гирлянды и подмигивающие шары

Свежие хлопья ночного снега хрустели под подошвами, а шебаршащая картонная коробка скользила в тряпичных перчатках. Улица опустела ещё до двенадцати.

На углу Центрального Универмага возле парадных ступеней возвышалась шестиметровая городская ёлка – без шаров и гирлянд, украшенная лишь вспененными облаками, спускающимися из темноты северного неба.

Я остановился возле неё и опустил коробку на снег. Оглянулся. Никого. Посмотрел на часы. Снова оглянулся. Тишина.

– Либо я рано, либо он опаздывает, – пробубнил я, ухмыльнулся и добавил: – но он никогда не опаздывает.

– Верно, не опаздываю, – раздался где-то совсем рядом знакомый голос.

– Мастер, это вы? – Я зашагал вокруг ёлки, пока не упёрся в оставленную на снегу коробку. – А вы где?

– Здесь, – ответил он, – залезай.

– А? – я поднял голову, но на макушке дерева его тоже не оказалось.

– Куда ты устался? Здесь я. – Ветви качнулись, и за ними промелькнуло лицо Мастера. – Залезай.

Отодвинув рукой пышную ветку и нырнув под снежную лавину, сорвавшуюся с густой хвои, я оказался возле ствола. Мастер стоял ко мне спиной, обхватив дерево руками и прижимаясь щекой к бугристой коре.

– Вы пытаетесь утешить городскую ёлку? – весело фыркнул я.

– Чего? – он прищурился.

– Ёлку воруете? Она же тяжелая. Вы её не поднимите.

– Ясно, – выдохнул Мастер. – Всё шутками общаешься. Тоже хорошо. Шутки – дело добровольное.

– А где ваши украшения? Я свои принёс. А ваши где? Или только моими воспользуемся?

– А зачем украшения? – Мастер обернулся и посмотрел на меня.

– Как зачем? Вы же сами просили помочь сегодня ночью ёлку украсить.

– Всё верно, – кивнул он. – Только зачем украшения?

– Иногда я вас не понимаю... И вообще... зачем так рано ёлку украшать? До праздника ещё месяц.

– Счастье по расписанию, – ухмыльнулся Мастер.

– Чего?

– Я говорю, счастье по расписанию. – Он разжал руки, отпустил ствол и, наконец, повернулся ко мне. – Знал я одного чудака. Талантливый малый. Книгу написал. Прикладную. Называется «Счастье по расписанию». Там и про Новый Год, и про День Рождения, про другие праздники. Про то, как и когда покупать подарки. В какую бумагу упаковывать, какой цвет выбирать. Во сколько звонить и поздравлять. Сколько слов писать в СМС, чтобы порадовать и не обидеть. Какую картинку выставлять, чтобы тебя все поздравляли. Там много всего. Большая книга. Объемная. Труд колоссальный проделан.

– Как, говорите, она называется?

– Счастье по расписанию.

– Интересно!

– Не очень, – ухмыльнулся Мастер. – Интересного мало. И, честно говоря, весьма скучно.

– Хм... тогда зачем вы мне её рекомендуете?

– Не рекомендую. Просто вспомнил. Этот чудаковатый писатель как-то тоже мне хотел помочь ёлку украсить. Да не получилось. Старался. Очень старался. Но не вышло. Точнее, вышло, но весьма тускло. Оно ж было не по расписанию! – улыбнулся Мастер.

– Ничего не понимаю. Давайте я свои украшения принесу. Там коробка целая.

– Постой, – Мастер взял меня под руку. – Подойти ближе. К стволу. Вот так. Теперь обхвати его руками. Ну? Чувствуешь?

– Что? – я уставился на ствол ели, почти уткнувшись в него носом. – Что я должен почувствовать? – Но он не ответил, отодвинул ветку и скрылся за ней, оставив меня одного под деревом. – Эй? Вы куда? Мастер?

– Я здесь, – раздался его голос. – Не двигайся.

– Это шутка такая? Вы шутите? Знаете, что я вам скажу! У меня шутки может быть и не такие смешные, но они гораздо интереснее ваших.

– Тише. Не двигайся. Не разжимай руки. Прошу тебя.

– Что за бред?

– Ты можешь вспомнить что-нибудь хорошее? Что-нибудь очень и очень хорошее.

– Чего?

– Я прошу, вспомни что-нибудь очень хорошее. Очень яркое.

– Зачем это?

– Хочу украсить ёлку твоими яркими воспоминаниями.

– Ха, – воскликнул я притворно, оценив низкопробный полукаламбур ночного розыгрыша.

– Слышишь?

– Ничего не слышу! – раздражённо ответил я.

– Стук колес. Слышишь? Самокат слышишь? Он мчится по асфальту. Пальцы сжимают ручки. Слышишь? Чувствуешь?

Я вдруг закрыл глаза и увидел, как мысли полетели над дорогой. Как таяло мороженое в вафельном стаканчике, как нёс самокат взрослого бородатого дядьку по высокому мосту над солнечной рекой.

И как вдруг в руке появилась картонка, а на ней слова: «Книги тут».

И как в холле школы встретил людей, которых не видел двадцать лет. И как они улыбались мне, словно и не было этих расставаний.

И как старенькая беседка, в которой хотел написать книгу, рухнула. И как подумал, что теперь нашлось место для баскетбольной площадки.

И как в руке впервые возник гребенчатый шпатель, и как плитка на стене удержалась, и племянник ободряюще назвал меня ботаником.

И как намотали по пешеходным переходам круги вдоль круга вместе с Сашенькой, пусть даже и в фантазиях. И как, сидя на нижней полке плацкарта, печатал рассказ и еле сдерживал слёзы.

И как творческая дверь потерялась, а потом опять возникла, и оказалось, что она и не терялась вовсе.

И как обессиленный пёс сидел на заднем сидении, а я мчал полтысячи километров к ветеринару, чтобы успеть и помочь. И ведь успел. Помог. А в прошлый раз, четыре года назад, Аришеньке не помог. Но очень хотел. Мчал. Мчал. Мчал полтысячи километров к ветеринару. И не помог. Но теперь помог. Теперь эту задачу выполнил.

И как наведалься в Министерство погоды и настроения и выпросил дополнительную неделю снега, чтобы пробежать на лыжах ещё сто километров.

И как приготовил яичницу с кабачками. Хорошо, что под рукой оказался ещё и сыр.

И как впервые прошёлся по песочному городскому пляжу северного моря, хотя живу возле него вот уже несколько десятков лет.

– Ого! Ого-го! – раздался восторженный голос Мастера, и я открыл глаза и разжал руки.
– Иди сюда! Смотри!

Я выбрался из-под ели и поднял голову. Дерево светилось моими яркими воспоминаниями из улыбающихся гирлянд и подмигивающих шаров, фигурок самоката и шпателя, тыквы и кабачков, лыжных ботинок и вздымающихся волн северного моря, музыкального поезда и растворимого кофе в синем стакане.

– Чудесный год! – заявил Мастер и протянул мне горячий лимонад из облепихи.

Пуховый матрас для серфинжиста

Ни одного посетителя. А ведь прошло уже несколько часов, как Мастер оставил меня в лавке за главного, а сам отправился на фермерскую ярмарку за овсяной мукой. И вдруг над дверью раздался звон колокольчика, я выпрямился и широко улыбнулся, встречая первого гостя.

Это был молодой человек. Думаю, не старше двадцати пяти. Чуть взлохмаченный, худощавый. Зеленая кофта, слегка поношенные джинсы и ботинки с запылившимися краями.

– Добро пожаловать! – Но гость мне не ответил, даже не посмотрел в мою сторону. Он замер на пороге, растерянно оглядываясь по сторонам. – Проходите, могу я быть вам полезен?

Он молчал, а глаза продолжали искать что-то, за что можно было зацепиться. И тут я осознал – он ещё ни разу не моргнул. И лицо неподвижное, а руки безвольно свисают, словно бельевые верёвки. Кажется, вот-вот, и он свалится на пол.

Я вышел из-за прилавка и развернул гостевой стул:

– Присаживайтесь. Хотите чаю? Я сейчас подогрею.

Но он не ответил. Его тело вдруг качнуло в сторону, и если бы не прочная деревянная столешница, то он тотчас бы покатился по кафелю напрямиком в стену.

– Аккуратнее! – воскликнул я и ухватил гостя за рукав.

Он повернулся и взглянул на меня глазами, наполненными ядовитой пылью и застывшим временем.

Я никогда не видел такого взгляда: тяжелого и одновременно пустого. Абсолютно пустого при всей его тяжести. И мерзкого. И душного. И страшного. Всё вместе.

И я отскочил. Не сдержался и отвернулся. А потом услышал его дыхание – ритмичное, глубокое, отрешенное.

– Кто вы? Что вам надо? – Я попятился вдоль стены к прилавку, а затем укрылся за ним.

Гость молчал. Он продолжал водить глазами по сторонам, а на побелевшем лбу выступили крупные капли пота. Его дыхание стало громче. Он держался руками за прочную столешницу и не двигался.

– Если вы не уйдёте, мне придётся вызвать... – Вдруг дверной колокольчик спасительно прозвенел, и я увидел на пороге Мастера. – Как хорошо! Наконец-то! Я уже... совсем...

– Что случилось?

– Вот, – махнул я рукой, – не знаю, как объяснить. Не знаю, что с ним. Что-то принял, наверное. Не знаю, может, позвонить куда-нибудь?

– Минуту, – Мастер поставил на прилавок пакет с овсяной мукой, достал из нагрудного кармана пенсне в малахитовом корпусе и повернулся к гостю. – Ясно.

– Что ясно? Что с ним? – Но Мастер не ответил. Он скрылся в кладовке и вскоре вернулся с матрасом и подушкой. – Что вы делаете?

Он расправил на полу пуховый матрас, затем подошёл к молодому человеку и аккуратно вытащил из его кармана телефон.

– Пожалуйста, выключи свет здесь и зашторь окна, – наконец сказал Мастер. – Я ещё не научился укладывать их по-другому. Только, когда темно... они ложатся, когда темно. Впрочем, некоторые не ложатся, когда темно. Пока не знаю, что с этим делать.

– Я не понимаю, объясните. – Лавка погрузилась в полумрак.

– Тише, мой друг. Сейчас нужна полная тишина. – Он встал ко мне за прилавок, и мы уставились на нашего странного гостя.

Молодой человек по-прежнему не двигался и громко дышал. Было темно. Я не видел его, только силуэт. Но я почти ощущал, как продолжают бегать во мраке его стеклянные глаза, наполненные застывшей пылью, как капли выступающего пота медленно скатываются вниз по бледному лицу.

Сколько прошло времени, трудно сказать. Полчаса. Может, больше. И когда я уже начал уставать от неизвестности и непонимания, Мастер осторожно дотронулся до моего плеча и замер. Молодой человек вдруг начал суетливо стаскивать с себя кофту, но не успел и повалился на матрас.

– Сработало, – прошептал Мастер и включил телефон нашего гостя. – Пара минут, и всё закончится.

– Что вы делаете?

– Это серфинжист.

– Кто? Серфингист?

– Нет. Я называю их серфинжистами. Они всё по верхам да по верхам. Мчатся по жизни, скользят. Поверхностно. Без глубины.

– Не совсем понимаю, – растерянно прошептал я, а Мастер тихо подошёл к спящему гостю и положил рядом телефон.

– Сейчас всё закончится, – вновь повторил он и вернулся за стойку.

Вскоре из крохотного динамика раздалось приятные звуки гитары и нарастающего баса.

– Что за песня?

– Не знаю. Какая-то Carolina Liar, – пожал плечами Мастер. – У него на звонке будильника стояла.

Молодой человек открыл глаза и повернулся на бок. Затем потянулся к светящемуся телефону и отключил звук. Затем что-то нажал, ткнул на экран, набрал что-то, начал листать. Вверх, вверх. Быстрее. Ещё быстрее. Потом вдруг засмеялся. Громко, наигранно. Потом что-то пробубнил, потирая ладонью лицо. Потом снова начал листать. Вверх, вверх. Вниз, снова вверх.

– Как вы? – спросил Мастер, шагнул к окну и начал поднимать жалюзи на окнах.

– А? Да.

– Вам согреть чашку чая?

– А? Ну.

Гость вдруг вскочил на ноги, одернул съехавший на бок свитер, подтянул джинсы и выбежал на улицу.

– Серфинжист, – вздохнул Мастер.

– Что с ним случилось?

– Не знаю. У них у всех разные причины.

– Он ведь мне не отвечал. Вообще никак.

– Да, – кивнул Мастер. – Они не отвечают. Просто не могут. Думаю, они даже не знают, что с ними в данную минуту происходит. Ведь они там... Листают, листают... Там, но не здесь! Они совершенно не осознают, где находятся. Они – как перегревающийся процессор. О! – он усмехнулся сам себе. – Именно! Как процессор, который перегрелся! Который не смог вместить в себя весь этот поток.

– Поток?

– Именно! – воодушевлённо продолжал Мастер. – А для выживания системы нужна перезагрузка. Да. Очень точный образ. И почему мне раньше не приходило это в голову?

– А много таких?

– Серфинжистов? Думаю, да. В прошлом месяце несколько ко мне заглядывало. Я даже матрас приспособил для таких случаев.

– Странно, – я опустил на гостевой стул. – А я раньше таких не встречал.

– Да ну? – засмеялся Мастер. – А помнишь, мы ходили в лес за белыми грибами? Ты ещё спросил, откуда в красивом сосновом бору столько брошенных пакетов и пустых банок... Серфинжисты!

– И что делать?

– Для начала – печенье. Я как раз муку с ярмарки принёс. А на ярмарке столько всего, друг мой! Столько всего!

Деревья и немного философии

Когда я подошёл к Мастеру, тот аккуратно вытаскивал из круглого рюкзака саженец. Искренней, как всегда, улыбкой он поприветствовал меня.

– Вы очень заняты? Я вас сильно отвлекаю?

– Сажаю деревья, – он поднял руку и показал новую аллею, простирающуюся аж до следующего перекрёстка.

– Ого! Да вы – тот ещё трудоголик!

– И какой же у вас вопрос, друг мой? – Мастер посмотрел на меня. – Или вопроса нет, и вы просто пришли мне помочь?

– Помочь могу. Но и вопрос тоже имеется. Можно?

– Весь во внимании, – Мастер одобрительно кивнул.

– Я всё чаще и чаще слышу слова, что никто ничего никому не должен. Что каждый человек живёт только ради себя и для себя. И другим людям до него нет никакого дела. Совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.